

materiały z badań

БОРИС Е. ФРУМКИН, ОЛЬГА В. ФРОЛОВА¹

ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И РОССИЯ

Резюме. В статье рассматриваются современные и перспективные тенденции развития глобальной продовольственной безопасности, в т.ч. перераспределение мирового производства и экспорта продовольствия между развитыми и развивающимися странами. Анализируются особенности текущего «ползучего» мирового продовольственного кризиса, в т.ч. волатильность мировых цен продовольствия. Показаны основные вызовы, с которыми сталкивается продовольственное мирохозяйства, в т.ч. «земельный тупик», «водный коллапс», «биологическое обеднение» и «климатический стресс». Рассмотрена современная и перспективная роль России и ее партнеров по Таможенному союзу в становлении нового продовольственного миропорядка, в т.ч. путем международного содействия развитию сельского хозяйства в развивающихся странах.

Ключевые слова: мировое продовольственное хозяйство, глобальная продовольственная безопасность, продовольственный кризис, ресурсный вызов, Россия, Таможенный союз, международное содействие развитию

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Почти 40 лет мировое продовольственное хозяйство переживает «ползучий кризис». Он начался в 1974–1975 гг., принял беспрецедентно острую форму в 2007–2008 гг. и дал рецидив в 2011 г. Разрешение этого затянувшегося кризиса требует создания глобальной системы продовольственной безопасности на основе совершенствования национальных агропродовольственных комплексов (АПК)² и коренной реорганизации принципов и механизмов их международного взаимодействия. Такие трансформации призваны ответить на новые вызовы, связанные с дефицитностью как продукции АПК, так и ресурсов, прежде

¹ Авторы являются научными сотрудниками Института Экономики Российской Академии Наук в Москве (e-mail: boris.frumkin@mail.ru).

всего невозпроизводимых природных (земельных, водных, биологических) для ее получения.

Продовольственный вызов состоит в очевидной неспособности существующих в настоящее время национальных и международной систем производства и распределения продовольствия обеспечить продовольственную безопасность. Динамика продовольственной обеспеченности (казавшейся прочной в экономически развитых странах и реально достижимой в основных развивающихся странах) после мирового финансово – экономического кризиса 2008 г. фактически ослабевает. По оценке ФАО ООН, за 16 лет, предшествовавших кризису 2008 г. (1990–2006 гг.), при приросте населения мира почти на 21%, число недоедающих снизилось в абсолютном выражении на 11% (до 898 млн. чел. в среднем за 2004–2006 гг.), а в относительном – более, чем на треть (до 14%). Напротив, за «посткризисное» пятилетие при росте населения мира на 7% число недоедающих в абсолютном выражении сократилось лишь на 4% (до 868 млн. в среднем за 2010–2012 гг.), а в относительном выражении – только на 2 процентных пункта (превысив 12%). Правда, 38 странам удалось достичь поставленной ООН в 2000 г. Цели развития тысячелетия (ЦРТ) по снижению доли голодающих вдвое в период с 1990–1992 гг. по 2010–2012 гг. Однако, до полного преодоления голода в мире еще далеко. В среднем по развивающимся странам доля недоедающих составляет 15%, и даже в развитых странах общее число недоедающих превышает 16 млн. чел. В середине 2013 г. внешняя продовольственная помощь требовалась 34 странам (в т.ч. 27 в Африке). Общие социально-экономические издержки (потери производительности труда, сокращение продолжительности жизни, расходы на здравоохранение), связанные с недоеданием, оцениваются в 4–5% мирового ВВП или \$2,8–3,5 трлн. [*Положение дел...* стр. 2; 20].

Все более частыми и массовыми становятся вспышки голода из-за природных и политических катаклизмов. Так, в 2013 г. в Сирии в 2013 г. из-за обостряющегося гражданского конфликта дефицит продовольствия испытывали 4 млн. чел., в Центральноафриканской республике и Демократической республике Конго из-за гражданских волнений □ 8,4 млн. чел., в Сомали, Судане и Южном Судане □ 1 млн., 4,3 млн. и 1,2 млн. чел., соответственно [*Мировое производство...*].

Ухудшается как физический, так и экономический, доступ значительной части населения Земли к продовольствию. Первое связано, прежде всего, с замедлением темпов роста агропроизводства относительно потребления. В 2005–2007 гг. мировое производство превышало потребление по пшенице на 0,7%, мясу и молокопродуктам – на 0,9% , растительным маслам – на 2,1%, сахару – на 2,9%. В 2013 г., по оценке ФАО ООН и ОЭСР, эти показатели не изменятся по пшенице, снизятся по растительным маслам (до 0%), мясу (до 0,2%) и молокопродуктам, увеличившись лишь по сахару (до 4,3%). Даже при наличии в ряде стран переходящих запасов этого недостаточно для устойчивой мировой продовольственной безопасности. Мировой продовольственной «подушкой безопасности» по главному пищевому и кормовому продукту – зерну и, частично, мясу фактически было сельское хозяйство только одной страны – США, по молочным продуктам – также аграрный сектор Евросоюза.

Наибольший вклад в мировую продовольственную безопасность среди развивающихся стран вносила Бразилия, прежде всего по сахару. После 2008 г. значение США и, особенно ЕС, как стабилизаторов мировых продовольственных рынков снижается в силу фактического прекращения роста продуктивности основных сельхозкультур и животных и крайней ограниченности возможностей расширения посевных площадей и наращивания поголовья. Напротив, быстро повышалась роль развивающихся экономик (в т.ч. входящих в БРИКС – Бразилии, Китая, Индии, Южной Африки). Внешнеторговый оборот Китая агропродовольственными товарами за 2001–2012 гг. возрос в 5,5 раз, почти до \$156 млрд. Страна фактически стала крупнейшим в мире производителем базовых видов продовольствия, достигнув высокой степени самообеспеченности рисом, пшеницей, большинством видов мяса и превратившись в ведущего мирового экспортера рыбной продукции. Бразилия заняла третье (после США и ЕС) место в мировом агропродовольственном экспорте, а также первое – второе места в экспорте ряда базовых товаров (сахара-сырца, соя-бобов, говядины, курятины). Эти тренды, по оценке ФАО и ОЭСР, сохранятся, по крайней мере, в текущем десятилетии (рисунок 1).

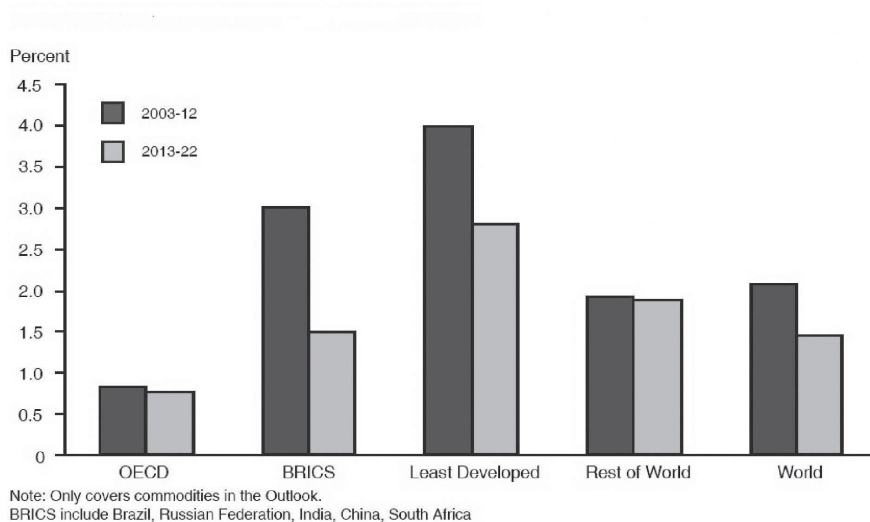

РИСУНОК 1. Среднегодовой прирост чистой сельскохозяйственной и рыбной продукции в 2003–2012 и 2013–2022 гг.

FIGURE 1. Average annual growth in net agriculture and fish production in 2003–2012 and 2013–2022

Источник: <http://www.oecd.org/site/oecd-faoagriculturaloutlook/summary-2013-EN.pdf>

Как видно из графика, в 2013–2022 гг. по сравнению с 2003–2012 гг. (не самыми благоприятными для сельского и рыбного хозяйства) ожидается снижение среднего темпа прироста их чистой продукции в 1,4 раза до 1,5%. Вероятный темп прироста в странах ОЭСР будет примерно вдвое ниже среднего, в странах БРИКС – на уровне среднего. Прирост выше среднего ожидается в наименее развитых странах, не оказывающих заметного влияния на мировое производство и экспорт продовольствия. В целом развивающиеся страны обеспечат 57% прироста мирового производства зерна, 74% – молока и 80% – мяса. Однако,

этого будет недостаточно для повышения (а по ряду базовых продуктов даже стабилизации) мировой продовольственной безопасности. В 2022 г. по сравнению с 2013 г. ожидается снижение степени покрытия мировым производством потребления по пшенице (до 0,3%), рису, растительным маслам, мясу птицы, сливочному маслу и даже сахару. Стабильными будут лишь балансы биоэтанола и биодзеля, для получения которых в 2022 г. прогнозируется использовать 28% мирового производства сахарного тростника, 15% – растительных масел и 12% кормового зерна [OECD-FAO... 2013, стр. 3].

Второе определяется общей повышательной динамикой и резко усилившейся волатильностью мировых цен на продовольствие, а также стагнацией или снижением доходов населения во многих странах, особенно в связи с последствиями глобального кризиса 2008 г. Хронически низкий уровень запасов усиливает риск скачков и колебаний цен. Широко распространившаяся засуха (как в 2012 г.) может на этом фоне привести к скачку мировых цен на базовые виды продовольствия на 15–40%. В отличие от аграрного кризиса середины 1970-х гг., после кризисного скачка 2008 г. мировые продовольственные цены уже не возвращаются на низкий докризисный уровень. Они стабилизируются на более высоком, чем до кризиса, «ценовом плато», причем периоды стабильности становятся все короче. В прошлом сорокалетия они продолжались до 10 лет, а в 2008–2013 гг. – практически не превышают года. Среднее значение индекса мировых продовольственных цен ФАО ООН (рассчитывается по 55 котировкам 5 основных товарных групп, 2002–2004 гг. = 100) в реальном выражении в 1991–2000 гг. было в 1,1 раза ниже, чем в 2001–2010 гг. и в 1,4 раза ниже, чем в 2011–2013 гг. Эта динамика видна на рисунке 2.

РИСУНОК 2. Индекс ФАО цен на продовольствие

FIGURE 2. FAO Food Price Index

Источник: <http://www.fao.org/worldfoodsituation/indeks-prodovolstvennykh-cen-fao/ru/>

При этом ценовая волатильность заметно возросла. В 1991–2000 гг. и в 2001–2013 гг. в реальном выражении максимальный годовой индекс мировых цен превосходил минимальный, соответственно, по молоку – в 1,4 и 1,7 раза, зерну – в 1,5 и 1,9, маслам и жирам – в 1,9 и 2,3, сахару – в 1,8 и 2,7 раза. Растущая открытость национальных усиливает воздействие мировых ценовых колебаний на внутренние продовольственные цены. В долгосрочном измерении высокие продовольственные цены стимулируют рост сельхозпроизводства и повышение предложения продуктов питания. Однако, в краткосрочном аспекте при доле продовольствия в расходах домохозяйств многих развивающихся стран в 60% любое повышение мировых цен ставит под угрозу само существование больших групп населения. В 2008–2009 гг. в импортозависимых странах произошли около 40 голодных бунтов. В 2011 г. рост продовольственных цен усилил социальную напряженность, частично спровоцировав революции «арабской весну» в Тунисе, Египте (где государство на 70% субсидировало цены на хлеб), Ливии (импортировавшей 90% зерна) и др. В 2013 г. отмена субсидий на хлеб привела уже к смене «постреволюционной» власти в Египте.

Процесс «продовольственного обнищания» мира пока прогрессирует. К началу 2012 г. число живущих за чертой бедности в мире оценивалось в 500 млн. чел. (каждый 14 –й житель Земли), в т.ч. живущих на 1 долл. в сутки – почти 150 млн. чел. (каждый 46-й житель). «Продовольственные бедняки» сосредоточены в развивающихся странах, однако социально-потребительский аспект аграрной политики усиливается и в развитых странах. Из 27 государств ЕС 20 получают бюджетное финансирование Евросоюза на продовольственную помощь, оказываемую в целом 18 млн. чел. (каждому 38-му жителю ЕС), причем число «продовольственных бедняков» (по стандартам ЕС) – вдвое больше. В США продовольственную помощь государства получают примерно 45 млн. чел. (почти каждый 7-й житель).

Преодолеть эти негативные тренды продовольственной безопасности без существенного реформирования нынешней мировой системы производства и распределения продовольствия невозможно. По оценкам ООН, за 2011–2050 гг. население планеты увеличится более, чем на треть до 9,2–9,3 млрд. чел., причем более 85% этого населения будет проживать в развивающихся странах и свыше 60% – в городах, т.е. не будет самообеспечиваться продуктами питания. Даже при сохранении в основном нынешней структуры потребления это потребует прироста мирового производства продовольствия на 70%, в т.ч. в развивающихся странах – на 100% [*OECD-FAO...* 2010, стр. 11–19].

Переход же развивающихся стран к уровню и структуре современного потребления даже не в США или ФРГ, а, например, в Аргентине, потребовал бы ресурсов полутора наших планет. Даже приближение к модели такого потребления в развивающихся странах (прежде всего в Индии и Китае с их почти трехмиллиардным населением) может к 2050 г. увеличить мировой спрос на зерно до 3 млрд. т, на мясо – до 0,5 млрд. т, т.е., соответственно, в 1,4 и 2,4 раза, причем 72% этого спроса придется на развивающиеся страны [*FAO Hunger Portal*, стр. 11–19]. По оценкам ФАО ООН и ОЭСР, Китай уже к 2022 г. станет мировым лидером по среднедушевому потреблению свинины

(обойдя ЕС и США) и почти на 40% повысит потребление молокопродуктов. Возрастет китайский импорт маслосемян (на 40% до почти 60% мирового импорта), молокопродуктов (на 20%), кормового зерна, сахара [Go veggie...; OECD-FAO... 2010, 25 стр. 17–19; OECD-FAO... 2013, стр. 4].

Сочетание слабой динамики мирового производства с растущей динамикой мирового спроса обусловит сохранение, по крайней мере, в среднесрочной перспективе довольно высокого уровня мировых цен на базовые агропроду-

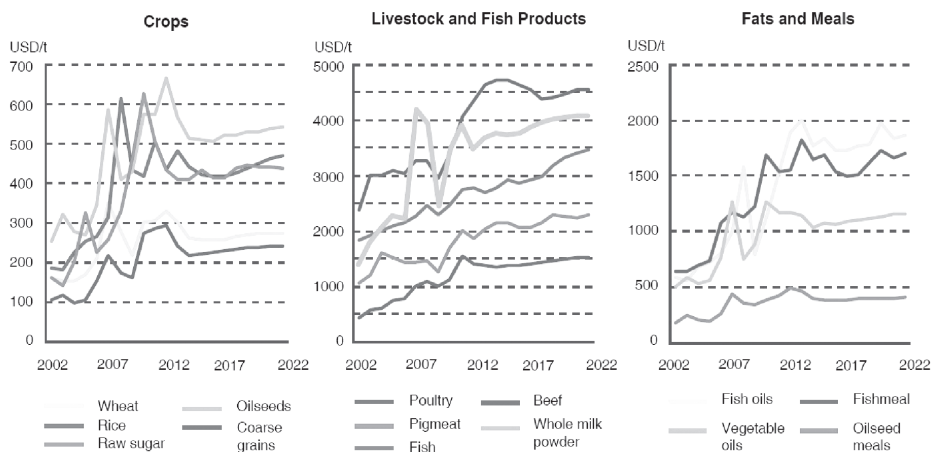

РИСУНОК 3. Динамика номинальных мировых цен на базовые сельскохозяйственные и рыбные товары
 FIGURE 3. Price trends for agriculture and fish commodities to 2022 (nominal)

Источник: <http://www.oecd.org/site/oecd-faoagriculturaloutlook/summary-2013-EN.pdf>

вольственные продукты (рисунок 3).

Как видно из рисунка, мировые цены основных продуктов растениеводства (пшеницы, риса, масличных, кормового зерна и сахара – сырца) после некоторого снижения в середине текущего десятилетия возобновят (хотя и медленнее) повышательный тренд и к 2022 г. могут быть в 2,2–2,5 раза выше, чем в 2002 г. Мировые цены базовых продуктов животноводства (говядины, свинины, мяса птицы, сухого молока) и рыбы сохранят повышательную динамику и в 2022 г. могут быть в 1,8–3,0 раза выше, чем в 2002 г. Повышательный тренд сохранится и у цен жиров и кормовой муки, особенно у рыбьего жира и рыбной муки, цены которых в 2022 г. могут быть примерно втрое выше, чем в 2002 г.

Важную роль в балансировании спроса и предложения может сыграть снижение потерь и отходов при использовании уже произведенного сельхозсырья на всех стадиях – от сбора урожая до потребления продуктов питания. Они оцениваются ФАО в 1,3 млрд. т, или около 33% годового производства продуктов питания. В пересчете на зерно это эквивалентно примерно 1,2 млрд. т, или около 50% его сбора в 2009/2010 сельхозгоду. Для развивающихся стран особое значение имеет снижение потерь на стадиях сбора, хранения, транспортировки и обработки (252 млн. т, или около мирового 6,5% производства продовольствия и 233 млн. т в зерновом эквиваленте). Для развитых стран важно сокращение

отходов в розничной торговле и потреблении (соответственно, 222 млн. т, или 5,5% и 205 млн. т) [*Сокращение пищевых...*]. Однако полное использование этого потенциала затруднительно даже при современных технологиях, т.к. требует длительной и дорогостоящей модернизации и структурной трансформации национальных АПК.

ГЛУБИННЫЕ ПРИЧИНЫ

Мировой продовольственный кризис 2007–2008 гг. практически завершил «эпоху дешевого продовольствия», связанную с «зеленой революцией» середины 1960-х гг. До начала 2000-х годов мировые продовольственные цены практически перманентно снижались. За 1961–2002 гг. индекс мировых продовольственных цен ФАО ООН снизился в 2,5 раза (примерно до среднего уровня 2002–2004 гг., принимаемого за 100). Единственным исключением стал кризис 1974–1975 гг., когда почти 400% скачок цен на нефть и связанное с ними удорожание агрохимикатов, транспорта и др. в сочетании с сильным неурожаем в СССР вызвал шоковое повышение ценового индекса в 1,4 раза (до 350). Однако, уже к концу 1970-х годов он вновь опустился ниже уровня 1961 г. Повышательный тренд возобновился лишь с 2003 г. и достиг кризисного пика в 2008 г. [*The State of Food...* 2011].

Непосредственной причиной кризисного ценового шока стало совпадение действия ряда факторов. Предложение сократилось под влиянием возросших издержек сельхозпроизводства из-за кризисного удорожания энергоносителей и минеральных удобрений, медленного роста сборов зерна в предыдущие годы и понижения уровня его запасов, неблагоприятных погодных условий в ряде стран – экспортеров, возросшему использованию продовольственного сырья на биотопливные цели. Спрос, напротив, заметно возрос, особенно на мясо – молочную продукцию и корма для животноводства в быстрорастущих развивающихся странах, прежде всего, БРИКС. Негативную роль сыграли и девальвация доллара США в сочетании с обострением недостатков организации продовольственного мирохозяйства, прежде всего роста спроса на фьючерсных рынках из-за спекуляций и «продовольственной» диверсификации инвестиционных портфелей, а также протекционистской политики ряда правительств, способствовавшие панике на мировом рынке.

Более глубокой причиной стало исчерпание потенциала ресурсоинтенсивной модели сельхозпроизводства, основанной на «замещении» природных факторов искусственными (усиленной химизацией и механизацией, водоемкой ирригацией) для получения максимальной отдачи от высокопродуктивных сортов сельхозкультур.

Ресурсным вызовом для агропродовольственного сектора в текущем сорокалети становится сохранение используемого в нем «естественного капитала» – природных земельных, водных и биологических ресурсов. Этот капитал, в – первых, является общей основой существования человечества, во – вторых, не имеет естественных или искусственных заменителей, в – третьих, находится в тесной взаимозависимости с климатом. Земля и вода не могут быть заменены

альтернативными ресурсами (в отличие, например, от ископаемых энергоресурсов, замещаемых возобновляемыми энергоисточниками), а без рационализации их использования невозможна и борьба с изменениями климата. Производство продовольствия в целом поглощает около 25% используемых человеком природных ресурсов Земли (в т.ч. около 70% – водных и почти 40% земельных) и вызывает более 30% газовой эмиссии [Go veggie...].

Общепризнано, что достигнутый рост сельхозпроизводства сопровождался негативными последствиями для качества используемых в нем природных ресурсов, настолько серьезными, что они угрожают не только его будущему производственному потенциалу, но и общим условиям жизнедеятельности людей. Ресурсный вызов конкретизируется в ряде рисков, постепенно перерастающих в реальные угрозы для мирового производства продовольствия, которые можно условно обозначить как «земельный тупик», «водный коллапс», «биологическое обеднение» и «климатический стресс».

«Земельный тупик» означает прогрессирующее истощение мировых ресурсов земель, пригодных для продовольственно–ориентированного сельского хозяйства, при деградации их качества. Конкуренция несельскохозяйственных отраслей и урбанизация могут к 2050 г. «урезать» нынешние мировые сельхозземли «продовольственного назначения» на 8–20%, а площадь пахотных земель на душу мирового населения – снизить до 0,15 га (всего вдвое больше, чем в современном перенаселенном Китае). При этом в странах с низким доходом площадь обрабатываемой земли на душу населения уже вдвое ниже, чем в странах с высоким доходом, что усугубляет проблему наращивания в них сельхозпроизводства. Практически нет свободных земель в Южной Азии, а также на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Кроме того, более 40% почв в районах традиционного сельского хозяйства деградированы. Тем не менее, по оценке ФАО и ОЭСР, прогнозируемый до 2022 г. рост производства риса почти на 3% должен обеспечиваться расширением площади обрабатываемых земель, пшеницы – на 5%, кормовых зерновых и масличных – на 8%, сахарного тростника – на 13% [OECD-FAO... 2013, стр. 3].

Наиболее эффективный путь такого обеспечения – добровольное, не наносящее ущерба мировому земельному и лесному фонду вовлечение в сельхозоборот массивов свободных земель, сосредоточенных в основном в России, Казахстане, Канаде и Бразилии.

«Водный коллапс» состоит в быстром приближении водообеспечения человечества к хроническому дефициту и ужесточении конкуренции сельского хозяйства за воду не столько с другими отраслями, сколько с населением. Уже сейчас около четверти населения мира живут в странах с дефицитом водных ресурсов, а к 2050 г. эта доля может приблизиться к 70%. Главная причина этого – неэффективное потребление имеющихся водных ресурсов, прежде всего поверхностных и грунтовых вод в сельском хозяйстве. Чрезмерное выкачивание подземных вод на ирригацию уже подорвало их запасы почти в 20 странах, концентрирующих около половины мирового населения. Наращивание животноводства в развивающихся странах, резко повышая расход воды (водоемкость производства мяса в 4–11 раз выше, чем пшеницы), еще быстрее

ведет мировое сельское хозяйство в «водный тупик». Ситуация усугубляется и снижением водных ресурсов рек и других природных водоемов и обострением конкуренции за их распределение. Для многих стран уже актуален выбор – остаться без воды или без продовольствия. Выход может состоять в переходе к более рациональному в аспекте водообеспечения размещению мирового производства продовольствия. Выиграть от такой «водо–продовольственной реструктуризации» мирового АПК смогут страны, имеющие свободные водные и земельные ресурсы и климатические условия для значимого наращивания сельхозпроизводства, т.е. практически только Бразилия, Канада и Россия.

Крайне опасным для будущего производства продовольствия является «биологическое обеднение», т.е. прогрессирующая утрата биоразнообразия растительного и животного мира, лишаящая человечество генетического потенциала для выведения новых, отвечающих изменяющимся условиям сортов и пород для сельского и рыбного хозяйства. Только за 1990–2000 г., по оценке ФАО, были потеряны (особенно в развивающихся странах) 75% «дикорастущих родственников» основных продовольственных сельхозкультур, еще около 22% при сохранении нынешних трендов могут быть утрачены до 2055 г. По той же оценке, около 25% животных, а также 85% видов рыб находятся в ряде случаев на грани вымирания. Под угрозой исчезновения в ближайшие 20 лет находятся 32% пород домашнего скота [*Crop biodiversity...*]. Сохранение природного генетического потенциала – ключевой фактор обеспечения устойчивости производства продовольствия на основе повышения адаптивности традиционных сортов к ухудшению качества почв, недостатку воды, резким погодным колебаниям, а пород животных и рыб – к болезням и климатическим изменениям (прежде всего потеплению). Хорошие возможности здесь также имеются в Бразилии, России и ее центральноазиатских и кавказских партнеров по СНГ, располагающих большими ресурсами природного генетического материала. Кроме того, Российская Академия сельскохозяйственных наук (РАСХН) хранит около 0,5 млн. образцов генофонда мировых растительных ресурсов [*Основные итоги...* 2013, стр. 91].

Постоянно растет значение нового долговременного вызова – «климатического стресса». Важнейшим ограничителем роста производства продовольствия являются климатические изменения, усугубляющие действие вышеперечисленных факторов. Они вызывают глобальный стресс мирового производства продовольствия. Более частыми и глубокими становятся природные катаклизмы (засухи, наводнения, ураганы) и экстремальные погодные колебания. По оценкам Международного института исследований продовольственной политики (ИФПРИ-США), снижение урожайности из-за изменения климата в 2050 г. по сравнению с 2000 г. может составить в ряде развитых стран до 12%, кукурузы – до 30, риса – до 13%, а в развивающихся, соответственно, до 13%, 5 и до 12% [Nelson et al. 2010, стр. 17]. Кроме того, при нынешней технологической модели сельское хозяйство само прямо ответственно за 10–12% глобальной эмиссии парниковых газов, а косвенно (с учетом вырубki лесов под сельхознужды) – за вдвое большую долю этой эмиссии, причем 70% газовой «агроэмиссии» уже приходится на развивающиеся страны. Пока эти

негативные тренды сдерживаются сохранением больших лесных массивов в России, Канаде и Бразилии. Риски, связанные с перечисленными вызовами, в различной степени и сочетании наблюдаются во всех сельскохозяйственных регионах мира (рисунок 4).

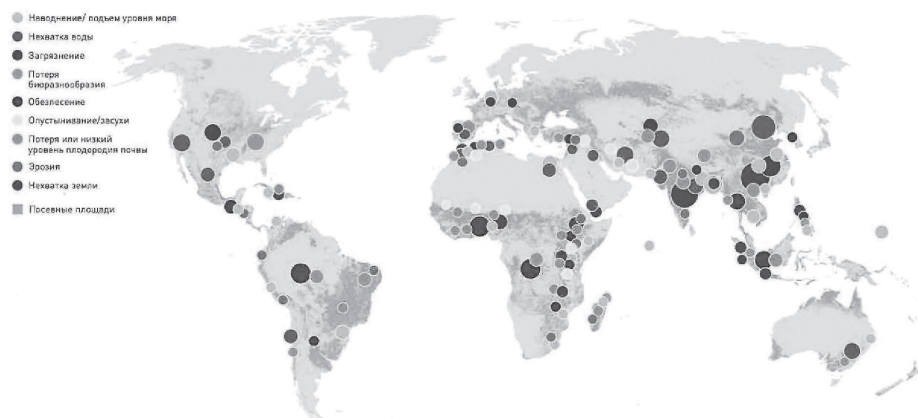

РИСУНОК 4. Глобальное распределение рисков, связанных с основными системами производства сельскохозяйственной продукции – схема

FIGURE 4. Global distribution of risks associated with main agricultural production systems – a schematic overview

Источник: *Состояние мировых...* [2011, стр. 31].

Как показано на рисунке, многие риски особенно значительны в густонаселенных развивающихся странах. Поэтому потенциал рационализации использования ресурсов в них наиболее важен для глобального продовольственного мирохозяйства. По оценке Института глобальных проблем Маккинси, свыше 80% возможностей повышения эффективности использования земли и воды в мире приходится именно на развивающиеся страны (в т.ч., соответственно, около четверти и трети – на Китай и Индию вместе). На Россию приходится 10% этих возможностей [Dobbs et al., стр. 80]. **С учетом ее партнеров по Таможенному союзу (Беларуси и Казахстана) эта доля, видимо, приблизится к 15%.**

В этой связи особое значение приобретает предлагаемая **ФАО ООН** новая парадигма развития – экосистемный подход, при котором «несельскохозяйственные» средства производства не замещают, а дополняют «природные» ресурсы и технологии. Она предполагает применение систем устойчивой интенсификации растениеводства (УИР), основанных на:

- одновременном достижении роста производительности сельского хозяйства и улучшения качества экосистемных услуг,
- высокой экономической эффективности использования ключевых потребляемых факторов, включая воду, питательные вещества, пестициды, энергоресурсы, землю и труд,
- использовании управляемого и природного биоразнообразия для формирования системной устойчивости к стрессам, вызванным погодными колебаниями, вредителями и болезнями.

УИР позволяют адаптировать сельхозпроизводство к изменению климата,

сократить потребность сельхозкультур в воде (по зерновым на 30%) и в энергии (на 60 %). Они представляют собой качественный сдвиг от однородной модели растениеводства к основанным на знаниях, часто привязанным к определенной местности, системам ведения сельского хозяйства. Основанное на экосистемном подходе растениеводство обеспечивает сохранение в здоровом состоянии уже используемых сельскохозяйственных угодий и способно восстановить земельные ресурсы, качество которых ухудшилось в результате прежнего нерационального использования [Сохранить и приумножить, стр. 5, 15]. Применение УИР потребует серьезной господдержки фермеров поэтому их широкое внедрение наиболее вероятно в развитых или «новых индустриальных» развивающихся странах, особенно входящих в БРИКС. Результатом такого внедрения станут превращение мирового сельского хозяйства в более рыночно ориентированный и инвестиционно привлекательный сектор (особенно в развивающихся странах) и связанные с этим изменения в динамике и географическом распределении мировой агропродовольственной торговле (рисунок 5).

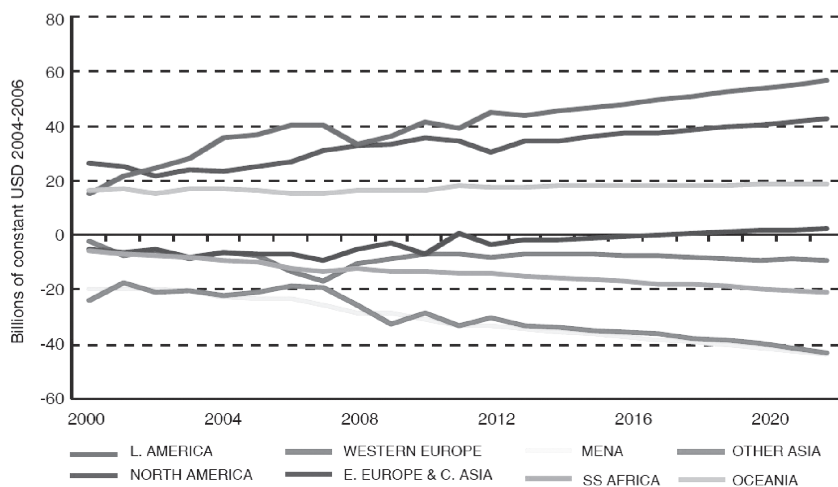

РИСУНОК 5. Чистый экспорт сельскохозяйственных и рыбных товаров

FIGURE 5. Net exports of agriculture and fish

Источник: <http://www.oecd.org/site/oecd-faoagriculturaloutlook/summary-2013-EN.pdf>

По оценке ФАО и ОЭСР, в текущем десятилетии продолжится перераспределение мирового производства и экспорта продовольствия от развитых к развивающимся экономикам, особенно в Латинской Америке. Важными нетто-экспортерами на мировом агропродовольственном рынке наряду с Северной и Латинской Америкой станут Восточная Европа и Центральная Азия, прежде всего Россия, Беларусь, Казахстан и Украина. Чистый экспорт стран Океании стабилизируется, а Западной Европы (фактически Евросоюза) – снизится. Рост сельхозпроизводства в других странах Азии и, особенно, в Северной Африке и на Ближнем Востоке будет отставать от спроса, что превратит их в регионы с наибольшим дефицитом в агропродовольственной торговле.

РОССИЯ В БУДУЩЕМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ МИРОПОРЯДКЕ

Становящаяся нормой продовольственно–ресурсная дефицитность все больше проявляется как реальный фактор, движущая сила геополитики на достаточно предсказуемую перспективу, по крайней мере, до 2050 г. [Brown 2011, стр. 5]. Изменение технологической парадигмы и соответствующая мобилизация финансовых ресурсов предполагают существенную трансформацию организации продовольственного мирохозяйства.

Главными чертами нового продовольственного миропорядка должны стать глобальная ответственность и управляемость. Основные продуценты и экспортеры продовольствия взять на себя ответственность за устойчивое и сбалансированное развитие мирового продовольственного производства и рынка и реализовать ее через систему согласованных и совместных действий в глобальных институционально – правовых рамках.

Ответственность этих стран двоякая. В первую очередь, они должны наращивать эффективное агропродовольственное производства для устойчивого обеспечения своего населения и стабилизации поставок на мировой рынок, рационализируя структуру этого производства и расширяя разумный импорт. Во вторую очередь, они должны реально содействовать развивающимся странам, имеющим соответствующие природные и человеческие ресурсы, развивать собственное производство и рациональный экспорт. Управляемость этого содействия, как и перспективного агропродовольственного миропорядка, могла бы базироваться на формировании широкого партнерства стран, определяющих мировое производство и торговлю агропродовольственными товарами. Ведущими «носителями» такой ответственности и управляемости могли бы стать США, ЕС, страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР), а также Канада, Казахстан и Украина. До кризиса 2008 г. они обеспечивали более 80% мирового производства свинины, 70% мирового производства зерна и молока, около 70% – мяса птицы и говядины. По оценке ИФПРИ, при сохранении нынешних трендов климатических изменений в 2050 г. на эти страны придется около 95% мирового производства пшеницы и кукурузы и почти 76% – риса [Nelson et al. 2010, стр. 36–37].

Важное место в будущей мировой продовольственной системе могла бы занять Россия вместе с партнерами по Таможенному союзу – Беларусью и Казахстаном (таблица 1). Доля Таможенного союза в использовании мировых ресурсов для производства продовольствия, за исключением пашни, пока невелика. Однако, по всем «материальным» факторам она на порядок выше, чем по занятому в сельском хозяйстве населению. Причем экономическая эффективность использования этих факторов (измеряемая добавленной стоимостью в сельском хозяйстве) выше среднемировой (кроме пашни). Доля же Таможенного союза и России в производстве (пшеницы, ячменя, картофеля, молока, курятины) и их экспорте (пшеницы, ячменя, растительных масел, пшеничной муки) ряда базовых видов продовольствия существенно выше их доли в общем и, тем более, в сельскохозяйственном населении мира (таблица 2).

ТАБЛИЦА 1 Доля Таможенного союза^а и России в мировых ресурсах для производства продовольствия (2011 г., %)

TABLE 1. The Customs Union^a and Russia shares in the world resources for food and agriculture production (2011, %)

Страны	Сельско-хозяйственное население	Площадь пашни ^б	Поголовье крупного рогатого скота	Поголовье свиней	Поголовье кур	Основные фонды ^в всего в т. ч. машины, оборудование	
Таможенный союз	0,8	10,9	2,2	2,3	2,4	4,3	3,0
в т.ч. Россия	0,6	8,8	1,4	1,8	2,0	3,1	2,3

^а Беларусь, Казахстан, Россия (Belarus, Kazakhstan and Russia); ^б 2009; ^в 2007.

Источник: рассчитано по FAOSTAT.

ТАБЛИЦА 2. Доля Таможенного союза^а и России в мировом производстве и экспорте ряда видов продовольствия (2010–2011 гг., %)

TABLE 2. The Customs Union^a and Russia shares in the world basic food commodities production and exports (2010–2011, %)

Страны/ Производство	Население мира	Добавленная стоимость в сельском хозяйстве	Пшеница	Ячмень	Картофель	Молоко	Куриятина	Свинина
Таможенный союз	2,4	4,7	11,5	16,4	11,6	7,1	3,6	2,8
в т.ч. Россия	2,0	3,7	8,0	12,6	8,7	5,2	3,2	2,2
Экспорт ^б								
			Пшеница	Ячмень	Поголовье свиней	Пшеничная мука		
Таможенный союз			11,7	6,6	7,2	21,1		
в т.ч. Россия			8,2	5,3	7,1	1,3		

^а Беларусь, Казахстан, Россия (Belarus, Kazakhstan and Russia); ^б 2010.

Источник: рассчитано по FAOSTAT.

В 2011 г. Россия занимала первое место в мире по производству ржи, ячменя, подсолнечника, сахарной свеклы, второе – подсолнечного масла, четвертое – пшеницы, картофеля и свинины. Агропродовольственный экспорт России достаточно динамичен. За 2005–2012 г. рос в 1,6 быстрее импорта, достиг \$16,6 млрд. и покрывает по стоимости импорт на 42% (в 2005 г. – на 26%). Без учета вывоза нефти и газа агропродовольственные товары в 2012 г. формировали 11% стоимости российского экспорта. За первые 8 месяцев 2013 г., несмотря на плохие погодные условия для сельского хозяйства, агропродовольственный экспорт составил \$9,3 млрд. (9,4% всего российского экспорта без нефти и газа). Основную часть этого экспорта составляет вывоз зерна (около 18 млн. т, в т.ч. 15 млн. т пшеницы, в среднем за год в 2009–2012 гг.), причем в 2009 и 2011 гг. Россия была третьим мировым экспортером зерна, в 2012 г. – четвертым. Она обеспечивала заметную часть импорта некоторых развивающихся экономик (Турции, Саудовской Аравии, в т.ч. , более 25% ввоза пшеницы Егип-

том) [*Подготовленный рекорд 2013*]. По экспорту ячменя и подсолнечного масла Россия в 2010–2011 гг. занимала 5 место в мире.

В среднесрочной перспективе производственно – экспортный потенциал АПК России Таможенного союза в целом возрастет, в т.ч. благодаря согласованию национальных программ развития комплекса и формирования единого внутреннего рынка его продукции. Так, по Госпрограмме развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг., в 2020 г. по сравнению со средним уровнем за 2001–2012 гг. производство зерна возрастет на 40% (до 115 млн. т), скота и птицы на убой – на 65% (почти до 10 млн. т), молока – примерно на 20% (до более 38 млн. т). По оценкам ФАО и ОЭСР, в 2012 г. Россия сможет ежегодно экспортировать более 26 млн. т пшеницы, около 1 млн. т маслосемян, свыше 1,5 млн. т растительных масел, заметные объемы курятины и баранины [*Государственная программа...*, стр. 26].

Эффективное использование агроклиматического и биологического потенциала России позволяет достичь гораздо больших результатов. Россия располагает около 20% ресурсов пресной воды (в т.ч. почти 10% стока рек и более 8% осадков). Без больших затрат она может вернуть в сельхозпроизводство выведенные из него в ходе рыночных реформ более 25 млн/га пашни. Потепление климата к 2030 г. может расширить площадь высокопродуктивного растениеводства в России в 4 раза и повысить урожайность зерновых и кормовых культур на 11–13%. Соответствующее расширение кормовой базы может стимулировать рост животноводства, зерноемких птицеводства и свиноводства. РАСХН только в 2012 г. передала в государственные испытания 130 новых сортов и гибридов зерновых и кормовых культур, 6 – подсолнечника, 4 – сои. [*Основные итоги...* 2013, стр. 112–115; *Оценка макроэкономических...* 2011, стр. 95–96].

Значительный прирост производства продовольствия намечен также в Казахстане и Беларуси. Это позволит укрепить позиции России и Таможенного союза в мировой торговле продовольствием.

Новым трендом станет усиление роли России (в т.ч. совместно с партнерами по Таможенному союзу) в международном содействии в развитии сельского хозяйства и обеспечении глобальной продовольственной безопасности. Россия уже имеет как единую программу международного сотрудничества и содействия развитию (СМР), так и ее региональную конкретизацию в соответствующих отраслевых концепциях сотрудничества или особых разделах общих концепций. К первым относится, прежде всего, «Комплексная программа участия РФ в международном сотрудничестве в области сельского хозяйства, рыбного хозяйства и продовольственной безопасности (2010 г.). Ко вторым, например: «Концепция продовольственной безопасности Евразийского экономического сообщества» (2009 г.), «Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области сельского хозяйства» (июнь 2010 г.), «Декларация по продовольственной безопасности Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС)» (2012 г.) и др. К третьим – «Концепция участия РФ в объединении БРИКС» (2013 г.).

Среди главных направлений международного сотрудничества «Комплексная программа» в соответствии с «Доктриной продовольственной безопасности России» называет «участие России в выработке международной сельскохозяйственной политики, развитии мирового агропромышленного комплекса, сельских регионов и мирового фонда генетических ресурсов культурных растений», а также «укрепление роли России как ведущей мировой державы в международном диалоге по борьбе с голодом и обеспечению глобальной продовольственной безопасности». Программа намечает широкий круг мер, прежде всего, содействие развивающимся странам, в области развития сельского хозяйства, ирригации и мелиорации, переработки сельхозпродукции и аквакультуры, подготовки кадров для них для с учетом технологического потенциала российского АПК; оказание продовольственной помощи странам, пострадавшим от стихийных бедствий и кризисов; разработку комплексных долгосрочных программ сотрудничества в области сельского хозяйства с Бразилией, Индией и Китаем и др. [*Доктрина продовольственной...; Комплексная программа...*, стр. 3].

Соответствующие практические решения разрабатывались и реализовались [*План мероприятий...*]:

1. На многосторонней основе по линии постоянно действующих специализированных международных организаций и институтов, международных конвенций и договоров (прежде всего, Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО) ООН, Глобального партнерства по сельскому хозяйству, продовольственной безопасности и питанию и его центрального элемента – Комитета по всемирной продовольственной безопасности и связанных с ними фондов и программ (Международного фонда сельскохозяйственного развития, Всемирной продовольственной программы, Консультативной группы по международным сельскохозяйственным исследованиям и др.).

2. На трехсторонней основе по схеме Россия – Всемирный банк (ВБ) – страна-донор (на основе Трастового фонда быстрого социального реагирования и Трастового фонда по противодействию глобальному продовольственному кризису при ВБ).

3. В рамках международных форумов и многосторонних мероприятий: «Группа восьми – G8», «Группа двадцати – G20», уже упомянутые ЕврАзЭС, АТЭС и БРИКС) и аффилированных с ними учреждений, фондов и программ (Аквильская инициатива по продовольственной безопасности, Новый альянс в области продовольственной безопасности и питания), ряд систем по линии G20 (Информационная система сельскохозяйственных рынков, Система раннего оповещения об изменении продовольственных цен и др.), а также Антикризисный фонд ЕврАзЭС, Партнерство АТЭС по вопросам политики в области продовольственной безопасности, Азиатско-Тихоокеанская информационная платформа по вопросам продовольственной безопасности и т.п.

4. На двусторонней основе в рамках сотрудничества между государственными учреждениями (в т.ч. в рамках межправительственных комиссий по торгово-экономическому сотрудничеству), а также по линии негосударственных и некоммерческих организаций (научных, общественных и др.).

Наиболее комплексно России участвовала в подготовке и реализации коллективной Аквилльской инициативы по продовольственной безопасности (АИПБ или AFSI) стран – членов Г8 и присоединившихся к ним доноров (Европейского Союза, Австралии, Испании, Нидерландов, Швеции). Инициатива предусматривала мобилизацию этими странами в течение 2009–2012 гг. \$22,2 млрд. на поддержку программ развития сельского хозяйства и глобальной продовольственной безопасности [*Аквилльская инициатива...*, стр. 3]. К апрелю 2013 г. эти средства были собраны, причем \$16,4 млрд. были израсходованы согласно обязательствам доноров [*Lough Erne...* 2013, стр. 58].

Участие России в финансовых обязательствах по АИПБ и их реализации по объему пока скромно – \$330 млн. Это примерно на уровне Австралии и в 10–11 раз меньше обязательств США и ЕС. Однако, Россия полностью и своевременно выполнила свои обязательства, а выполнение обязательств в среднем по всем странам-донорам даже в начале 2013 г. составляло только 74%, в т.ч. по ЕС – 76% и по США – лишь 39% [*Lough Erne...* 2013, стр. 64]. Кроме того, по стоимости российский взнос эквивалентен, например, стоимости годового производства пшеницы в «зернодефицитных» странах СНГ (Армении, Азербайджане, Грузии, Кыргызстане и Таджикистане) вместе взятых или 33% этой стоимости – в ее крупнейшем среди развивающихся стран импортере зерна – Египте.

Важно и то, что в отличие от основных доноров российское финансирование осуществляется преимущественно по формирующим основы нового продовольственного порядка многосторонним каналам – около 54% общего финансирования, против 9% у США, менее 5% у ЕС, менее 3% у Франции. Сопоставимые с РФ доли финансирования на многосторонней основе имеют лишь Великобритания и Испания. Кроме того российское содействие в рамках АИПБ на 88% соответствовало национальным стратегиям продовольственной безопасности стран – реципиентов и примерно поровну распределялось между поддержкой достижения ими кратко – и долгосрочных целей по продовольственной безопасности [*Lough Erne...* 2013, стр. 64, 66, 68].

У России 10 стран – реципиентов: Афганистан, Армения, Куба, КНДР, Эфиопия, Гвинея, Кыргызстан, Монголия, Никарагуа, Таджикистан. Столько же реципиентов имеют, например, ЕС и Канада, на 1 меньше – Япония. Таким образом, среди получателей российской помощи в рамках АИПБ доминируют продовольственно-«дефицитные» центральноазиатские страны СНГ (Таджикистан с 2 млн. недоедающих), соседние бедные развивающиеся страны (Монголия – 1 млн. недоедающих, КНДР – 8 млн., Афганистан – 12 млн.). При этом, в рамках АИПБ Россия является важным или единственным донором для ряда стран. Лишь она помогала Армении, Кубе, КНДР и Никарагуа. Гвинею кроме РФ помогал лишь 1 из остальных 8 доноров, Таджикистану – 2. Только в 2010 г. Россия оказала гуманитарную продовольственную помощь Кыргызстану почти на \$25 млн., Таджикистану – на \$5,5 млн., Афганистану – на \$5 млн. Такая помощь была оказана также Узбекистану, Монголии, Пакистану, Йемену и Эфиопии. В 2012 г. Никарагуа поучила российскую продовольственную помощь почти на \$24 млн. По инициативе России осуществляется пилотный проект по улучшению питания 50 тыс. школьников в необеспеченных продовольствием

районах Армении. С 2012 г. при Московском государственном университете работает Евразийский центр по продовольственной безопасности, нацеленный прежде всего на проведения исследований и разработку рекомендаций по развитию сельского хозяйства и продовольственной безопасности в Армении, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане [*Довильский доклад...*, стр. 10, *Оказание гуманитарной...*; *Lough Erne...* 2013, стр. 65] .

В перспективе вклад России в формирование новой системы глобальной продовольственной безопасности может существенно возрасти на основе комплексной реализации уже наметившихся направлений внутренней и международной активности. Прежде всего, это:

- продолжение заложенного в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации (2010 г.) и конкретизирующих ее Государственных программах развития сельского хозяйства курса на рациональное импортозамещение и наращивание экспортных ресурсов продовольствия,
- проведение скоординированной (со странами ЕвразЭС и другими странами СНГ) и общей (со странами Таможенного союза) внешнеторговой и инфраструктурной аграрной политики,
- содействие формированию макрорегиональных систем продовольственной безопасности (в рамках Таможенного союза и ЕЭП, а возможно и ЕвразЭС или зоны свободной торговли СНГ,
- активное участие в формировании нового глобального продовольственного миропорядка (в т.ч. в рамках соответствующих программ ФАО и других органов ООН, международных экономических организаций (МВФ, ОЭСР и др.), инициатив групп Г8 и Г20), включая разработку правил регулирования мировых рынков продовольствия, создание и управление стабилизационными резервами продовольствия для нейтрализации колебаний поставок и волатильности цен, а также комплексное международное содействие развитию продовольственного хозяйства в развивающихся странах.

КОНЕЦ

Мир находится в состоянии латентного продовольственного кризиса, периодически приобретающего острые формы и затрудняющего достижение глобальной продовольственной безопасности. Это связано прежде всего с динамичным повышением спроса на продовольствие (особенно быстрорастущего населения развивающихся стран) при снижении темпов роста мирового производства агропродовольственных товаров. С другой стороны текущее десятилетие (до 2022 г.) среднедушевое производство продовольствия в мире будет увеличиваться всего на 0,3% в год. Такое неблагоприятное сочетание обусловливается как дефицитом природных ресурсов, так и дороговизной технико-технологического прогресса в производстве, переработке, распределении и даже потреблении сельскохозяйственной продукции. В то же время оно стимулирует использование развивающимися экономиками, имеющими соответствующие резервы и возможности для активизации участия в мировом производстве и экспорте продовольствия. Наряду с Бразилией, другими странами Латинской

Америки и некоторыми государствами Азии важную роль в этих процессах могут сыграть Россия и ее партнеры по Таможенному союзу (Беларусь и Казахстан). Россия имеет реальную возможность уже в текущем десятилетии укрепить свои позиции как ключевого экспортера зерна, масличных, растительного масла, а также расширить экспорт некоторых видов мяса и молкопродуктов. Не менее важно возможное усиление ее роли в формировании новой мировой архитектуры агропродовольственной безопасности, в т.ч. через активизацию международного содействия развитию в этой области, особенно в Центральной Азии и в Африке.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аквильская инициатива по продовольственной безопасности (АИПБ). Совместное заявление по всемирной продовольственной безопасности* (<http://archive.kremlin.ru/events/articles/2009/07/219334/219445.shtml>).
- Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.* М.: Минсельхоз РФ (<http://www.mcx.ru/documents/document/show/22026.htm>).
- Довильский доклад по отчетности. Оценка выполнения решений «Группы восьми» в области содействия международному развитию и их результатов. Вклад Российской Федерации* (www.minfin.ru/common/img/uploaded/library/.../Presentation-Rus-2.doc).
- Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации* (<http://www.mcx.ru/documents/document/show/14857.19.htm>).
- Комплексная программа участия Российской Федерации в международном сотрудничестве в области сельского хозяйства, рыбного хозяйства и продовольственной безопасности* (<http://bestpravo.ru/federalnoje/bz-dokumenty/uOk.htm>).
- Концепция продовольственной безопасности Евразийского экономического сообщества* (<http://www.worldico.org/index/190.html?id=387>).
- Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС* (http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline).
- Мировое производство зерна может достигнуть исторического максимума в 2013 году* (<http://www.fao.org/news/story/ru/item/180035/icode/>).
- Оказание гуманитарной помощи населению зарубежных стран, пострадавшему в результате чрезвычайных ситуаций* (www.mchs.gov.ru/upload/site1/activities/results/gd8.5doc).
- Основные итоги работы Российской Академии сельскохозяйственных наук за 2012 год, 2013.* РАСХН, Москва.
- Оценка макроэкономических последствий изменений климата на территории Российской Федерации на период до 2030 года и дальнейшую перспективу, 2011.* Росгидромет, Москва.
- План мероприятий по реализации Комплексной программы участия Российской Федерации в международном сотрудничестве в области сельского хозяйства, рыбного хозяйства и продовольственной безопасности* (<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2075732>).
- Подготовленный рекорд, 2013.* «Ведомости», 06.08.2013, с. 11.
- Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства 2013, 2013.* Резюме, ФАО ООН, Рим (www.fao.org/docrep/018).
- Сокращение пищевых отходов, чтобы прокормить мир* (<http://www.fao.org/news/story/ru/item/74192/icode>).
- Состояние мировых земельных и водных ресурсов для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства. Управление системами, находящимися под угрозой, 2011.* Сводный доклад. ФАО ООН, Рим, с. 31.
- Сохранить и приумножить. Новая парадигма сельского хозяйства, 2011.* ФАО ООН, Рим (<http://www.fao.org/ag/save-and-grow/pdfs/flyers/Save-and-grow-flyer-RU.pdf>).

- Brown L.R., 2011: *The New Geopolitics of Food*. “Foreign Policy”, May/June ([http:// www.foreignpolicy.com/articles/2011](http://www.foreignpolicy.com/articles/2011)).
- Crop biodiversity: use it or lose it* ([http:// fao.org/news/story/en/item/46803/icode](http://fao.org/news/story/en/item/46803/icode) www.fao.org/news/story/en/item/46803/icode, 26.10.2010).
- Dobbs R., Oppenheim J. and others, 2011: *Resource Revolution. Meeting the world’s energy, materials, food, and water needs*. McKinsey Global Institute, London: 10–12.
- FAO Hunger Portal (<http://www.fao.org/hunger/en/>).
- Go veggie, cut fossil fuels to aid planet, says UN study (<http://www.euractiv.com/en/print/sustainability/go-veggie> 03.06.2010)
- Lough Erne Accountability report.*, 2013 Summit g8, June (https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/205437/Lough-Erne-Accountability-Report.pdf).
- Nelson G., Rosengrant M. and others, 2010: *Food Security, Farming, and Climate Change to 2050: Scenarios, results, policy options*. IFPRI, Washington D.C.
- OECD-FAO Agricultural Outlook 2010–2019*, 2010. *Highlights*. OECD/FAO, Rome (<http://www.oecd.org/dataoecd/13/13/45438527.pdf>).
- OECD-FAO Agricultural Outlook 2012–2021*, 2012. *Stat Extracts*. OECD/FAO, Rome (http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=HIGH_AGLINK_2012).
- OECD-FAO Agricultural outlook 2013–2022*, 2013. *Summary* (<http://www.oecd.org/site/oecd-faoagriculturaloutlook/summary-2013-EN.pdf>).
- The State of Food Insecurity in the World 2011*, 2011. FAO, Rome.

GLOBAL FOOD SECURITY AND RUSSIA

Abstract. The article examines both current and future trends in the development of global food security, including redistribution of world production and food exports between developed and developing countries. It analyzes the characteristics of the “creeping” global food crisis including the volatility of global food prices. It shows the main challenges faced by the global food economy, including “Land deadlock”, “water collapse”, “biological impoverishment” and “climate stress”. There is a modern and promising role of Russia and its partners in its’ Customs Union in the establishment of a new world order food, including through international dt assistance, promoting agriculture in developing countries.

Key words: world food economy, global food security, food crisis, resource challenge, Russia and the Customs Union, international development assistance